

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ КОНТРАСТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

(на материале сопоставления английских и русских ФЕ, вербализующих
концепты, выражающие интеллектуальную и эмоциональную
деятельность человека)

© 2005 С.Н. Малыхина

Липецкий государственный педагогический университет

Известно, что “фразеология представляет собой языковую универсалию: нет языка, в котором не было бы фразеологических выражений” [2, 245]. В то же время известным и общепризнанным является тот факт, что фразеология обладает ярко выраженной национальной спецификой. Во фразеологии ярче, чем в какой-либо другой системе языка, проявляются особенности национального мышления, восприятия мира, его категоризации и концептуализации. Все эти черты находят выражение в образе, положенном в основу устойчивого сочетания, в метафоре, созданной народным мышлением для выражения понятия или суждения. Фразеология отражает народный быт и традиции, наблюдения и поверья.

Яркая национальная специфика фразеологической системы проявляется не только на содержательном уровне. Она очевидна и в плане выражения ФЕ. Эта специфика объясняется лексико-грамматическими и стилистическими особенностями языковой системы в целом. Понятно, что каждый язык обладает особенными средствами знакового выражения реальности. Глубинные категории и свойства языка определяют конкретные средства каждого отдельного языкового уровня, в том числе и фразеологии. По словам Ю. П. Солодуба, “отдельные свойства фразеологических образов, определяемые логико-психологической основой предметно-вещественных ассоциаций, могут быть типологически общими для самых разных языков мира, однако лингвистическое выражение этого сходства всегда детерминировано особенностями лексико-семантической и грамматической системы того или иного языка” [8, 10]. Более того, так как фразеологическая номинация является вторичной, “во фразеологии каждого языка отражаются в большей или меньшей степени все основные особенности его прочих уровней, и это обстоятельство в значительной мере опреде-

ляет специфику фразеологических систем в разных языках” [7, 13].

Эти факты определяют трудность сопоставления ФЕ и особенно сопоставления с целью нахождения эквивалентности, каким является перевод. Дело в том, что перевод вообще можно рассматривать как одну из наиболее сложных форм общения, так как в нем “в качестве квази-идентичных форм (ипостасей) одного и того же сообщения выступают тексты, созданные на основе разных языковых систем из единиц, не совпадающих ни по форме, ни по содержанию” [4, 47]. Фразеологические же единицы, входящие в состав текста, в силу перечисленных выше факторов и особенно из-за сложности фразеологической номинации сами представляют собой микротексты [9], что делает работу переводчика вдвойне сложной.

Единицы фразеологического уровня языка, точно так же, как и слова, могут быть идентичны и отличаться различными компонентами значения. Так, например, сочетания, имеющие одинаковую предметную отнесенность, могут охватывать различный объем предметов и явлений, т. е. различаться сигнификатами. Однако гораздо большую сложность в переводе ФЕ представляет собой их коннотативное значение. Именно с наличием у языковой единицы эмоционального, стилистического значения (т. е. коннотативной составляющей значения) большинство ученых связывают многие проблемы перевода. Так как этот аспект играет одну из ключевых ролей в семантической структуре фразеологизма, достичь эквивалентности при переводе ФЕ во многих случаях представляется более сложным, чем в операциях над словами.

Так, например, переводчикам не всегда удается передать иронию, содержащуюся в английской идиоме *have a soul above buttons/ smth.*:

But my father, who was a clergyman of the Church of England... had a lucrative living and a "soul above buttons", if his son had not (Fr. Marryat, 'Peter Simple', ch.1).

Но мой отец, который был служителем англиканской церкви... и имел приличный доход, был **неудовлетворен своей профессией**, чего нельзя сказать о его сыне [5, 704].

He had a soul above these petty things (P. G. Wodehouse, 'French Leave', ch.2).

Старый Ник был выше этих мелочей [там же].

Очевидно, во втором примере в переводном тексте звучит та же ирония, что и в оригинале. В первом же перевод звучит нейтрально, этот компонент значения не передан, не говоря уже о цитировании, отражающем литературное происхождение идиомы. Именно в авторском употреблении словосочетания был создан образ, стоящий за ФЕ. Узнавание этого образа помогло бы распознать эмоциональность идиомы, но его раскрытие представляется сложным в условиях перевода.

Формирование фразеологического образа лежит в самой основе фразеологической номинации. Именно поэтому нахождение эквивалентной ФЕ во многом обеспечивается возможностью или невозможностью найти в языке перевода единицу, в основе которой лежал бы идентичный образ. Зачастую исследователю необходимо проверять наличие такого образа в концептосфере переводящего языка в принципе, так как сознание различных народов классифицирует и концептуализирует явления окружающей действительности по-разному, не говоря уже о том, что сама эта действительность бывает различной. Этим обуславливается разнонаправленность или сходная направленность образных ассоциаций, определяющих номинации в том или ином языке.

Так, например, в основу одной из ярчайших русских идиом и ее вариаций – *без царя в голове*, *с царем в голове*, *с своим царем в голове* и пр. – положен образ царя как верховного правителя, пользующегося безграничной властью над подданными. Поэтому *иметь царя в голове* – значит, самостоятельно мыслить, не зависеть в своих суждениях от других людей. Сходное значение можно передать на английском языке, однако восстановить фразеологический образ невозможно. Это мы и наблюдаем в переводе отрывка из романа Ф. М. Достоевского "Идиот":

Хоть и действительно имел и практику, и опыт в житейских делах, и некоторые, очень

замечательные способности, но он любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем с своим царем в голове, человеком "без лести преданным" ...

...experience in day-to-day affairs, along with a number of remarkable abilities, he liked to convey the impression of being the executant of someone else's ideas rather than a man with a mind of his own, to play "the loyalty without flattery" ... (пер. Алана Майерса).

В романе "Война и мир" Л. Н. Толстой так употребляет идиому *душа в душу*:

Чакмарь... ,поглядывая на барина, с которым он жил 30 лет душа в душу, и, понимая его приятное расположение духа, ждал приятного разговора.

Переводчик Констанция Гарнетт так перевела его:

... looked towards his master, with whom he had lived on the best of terms for thirty years. Perceiving that he was in a genial humour, he anticipated a pleasant chat.

Сочетание *on the best of terms* является в данном случае, на наш взгляд, адекватным и, наверное, самым подходящим для выражения очень хороших отношений слуги и барина. Однако, идея выражения *душа в душу* состоит не просто в том, что отношения были очень хорошими, но в том, что они были теплыми, близкими, это были отношения полного взаимопонимания, согласия.

Очевидно, что в процессе анализа исследователю не избежать обращения к истории народа, быту, духовной и материальной культуре, всему тому, что составляет духовную и материальную основу существования данной нации. Это необходимо для правильного толкования некоторых значений, понимания различий между ними и нахождения эквивалентов. Дело в том, что "все различия в лексических (и тем более – фразеологических! – С. М.) системах двух языков, в объеме значений слов, в использовании слов в речи, в конечном счете, зависят от тех признаков, по которым члены данного коллектива классифицируют и именуют объекты внеязыкового мира" [1, 15].

Так, для русского языкового сознания чрезвычайно важным оказывается концепт *душа*, и он вербализован во многих ФЕ. В англоязычной же картине мира *soul* не играет такой роли, и некоторые ее функции выполняются другими органами, в частности, сердцем (оно вмещает многие эмоциональные состояния) и умом (с ним связывают мыслительные процессы). По-

этому число ФЕ, содержащих компонент *душа* в русском языке, в несколько раз превосходит число ФЕ с компонентом *soul* в английском, и эти ФЕ зачастую переводятся на английский язык фразеологизмами с компонентами *heart* и *mind*: *в душе* – *at heart*; *в глубине души* – *at the back of one's mind*; *открывать душу* – *open/uncover one's heart to smb.*; *прійтись по душе* – *lose one's heart to smb./smth.*; *по душе* – *after one's own heart*; *класть душу на что* – *put one's heart into smth.*; *всей душой* – *heart and soul*; *душа нараспашку* – *wear one's heart on one's sleeve*; *запасть в душу* – *sink into smb.'s memory/mind/heart*; *камень с души свалился* – *take a load/weight off smb.'s mind*.

Анализ концептов *head* и *голова* в англоязычной и русской культурах показал, что одним из доминирующих признаков обоих концептов является связь с мышлением. Поэтому неудивительно, что многие фразеологические единицы, содержащие эти компоненты, относятся к семантической группе “мышление”, и среди них можно найти множество эквивалентов и аналогов. В единицах *иметь голову на плечах* – *have a head on one's shoulders*, *have one's head screwed on right*; *вбивать себе в голову* – *get/take it into one's head*; *выбросить кого-л./что-л. из головы* – *get smb./smth. out of one's head* проявляется не только функционально-смысловая, но и аспектная соотношенность. Аналоги *не в своем уме* – *off one's head*; *выскочить из головы* – *to slip one's mind*; *приходить в голову* – *cross one's mind*; *ломать голову над чем-л.* – *rack one's brains*; *промелькнуть в голове* – *pass through one's mind* явно демонстрируют принадлежность этих единиц к одному смысловому полю.

Голова, так же, как и *head*, значит также “жизнь человека”, так как видится обоими народами как орган жизненно необходимый и незаменимый. Сходство ассоциации делает возможным передать почти в точности идею автора:

Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»).

What a slyboots. You see, Azamat realized they'd have his head if he wound up in their hands (пер. Мариан Шварц).

Несмотря на то, что используемые в языке оригинала и перевода фразы отличаются компонентным составом и синтаксической организацией, переводчик употребил ключевое слово *head*, что обеспечило перевод практически без потери смысла.

Концепт *сердце* в русской концептосфере

выражает признак, не отраженный в концептосфере английского языка: *сердце* для русского сознания является вместилищем гнева – сильной и практически неконтролируемой эмоции. Это находит выражение в идиомах *держат сердце на кого-л., с сердцем, в сердцах*. Понятно, что эквивалентов этих единиц в английском языке нет.

Обозначая жизненные реалии, народное сознание прибегает к фразеологическим средствам далеко не всегда. В первую очередь, как известно, это случается при необходимости более эмоционального, чем это может позволить лексическое наименование, отражения реальности. Однако иногда ФЕ заполняют номинационные лакуны языка. Понятно, что во втором случае значение фразеологизма расширяется и усложняется за счет увеличения количества денотативно-сигнификативных сем. Ясно также, что вероятность того, что в двух языках параллельно для номинации какого-либо явления будут выбраны структурно идентичные фразеологизмы, довольно мала. Кроме того, эта вероятность вообще сводится к нулю, если денотат – это реалия быта одного из народов. Поэтому А. Д. Райхштейн отмечает, что с возрастанием сложности значения вероятность нахождения в другом языке эквивалента данного фразеологизма уменьшается. Таким единицам в языке перевода скорее будут соответствовать структурно-семантические эквиваленты-кальки [7, 55-56].

Такой калькой, например, является перевод сочетания *a Purple Heart* на русский язык. Обозначая реалию американской жизни, оно, естественно, не имеет своего денотата в концептосфере русского языка, и поэтому переводится просто как *Пурпурное сердце*. При этом, видимо, при переводе текстов переводчику следует делать ссылку, поясняя, что за награда имеется в виду. На наш взгляд, было бы целесообразным сделать такую ссылку в отрывке:

Charles. ... I had a kind of a strange career in the Army. I got a Purple Heart, and I got a dishonorable discharge (J. O'Hara, 'The Farmers Hotel', act 1).

Чарльз. ... Моя служба в армии протекала не совсем обычно. Я получил медаль “Пурпурное сердце”. И вместе с тем был уволен из армии за неблагоприятное поведение [5, 376].

Можно сказать, что уникальность обозначаемого явления или своеобразное осмысление народом действительности приводит к возникновению самобытного образа, который кладется в основу номинации. Естественно, что такой

образ мало продуктивен в плане порождения ФЕ. Сходное видение реальности, наоборот, порождает у разных народов подобные друг другу образы и, как следствие, параллели во фразеологической номинации.

Поэтому в эквивалентных ФЕ, одним из признаков которых и является соответствие их образной основы, отсутствует национальный колорит. За счет этого содержание текста на исходном языке может передаваться на языке перевода без какой-либо потери смысла, как, например, при переводе единиц *разбить чье-л. сердце – break smb.'s heart; золотое сердце – a heart of gold; голова как решето – have a head like a sieve* и других.

Напротив, при переводе ФЕ фразеологическим аналогом национальный колорит неизбежно теряется. Это, однако, не следует рассматривать как недостаток перевода. Ведь так как создаваемый текст на языке рецептора должен выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала, он должен так же естественно восприниматься рецептором, как он звучит на языке оригинала. В связи с этим во многих (хотя не во всех!) случаях предпочтительным оказывается заменить фразеологический образ на образ, более близкий рецептору: тогда “эквивалентность перевода обеспечивается воспроизведением коммуникативно наиболее важных (доминантных) элементов смысла, передача которых необходима и достаточна в условиях данного акта межъязыковой коммуникации” [4, 79]. Так, например, выше говорилось о том, что английские ФЕ с компонентом *heart* часто переводятся на русский язык сочетаниями с компонентом *душа*: *at heart – в душе; have one's whole heart in something – вкладывать всю душу во что-л.; open one's heart to smb. – открыть свою душу кому-л.* Такие фразеологические аналоги при переводе будут вполне адекватными, так как в приведенных ФЕ значимый признак человеческого органа – это вмещение всей внутренней жизни человека, и английское языковое сознание приписывает эту роль сердцу, а русское – душе.

В основе значения идиом *have one's heart in one's boots/ mouth; one's heart failed him; one's heart sank into one's boots* и т. п. лежит параллель между эмоциональными и физиологическими процессами. Та же ассоциация находит выражение в русской ФЕ *душа в пятки ушла*, хотя в ней задействован другой орган. Сочетания *камень с души свалился* и *take a load/ weight off smb.'s mind* построены вокруг сходного образа: понимания чего-то тяготящего человека в моральном плане как груза физического и, соот-

ветственно, избавления от него как символа душевного и умственного облегчения. Несмотря на компонентные различия в приведенных ФЕ, совпадение образных моделей, по которым они построены, полностью оправдывает их употребление в качестве аналогов при переводе.

Таким образом, составляющие фразеологизмы лексемы дают возможность частично судить о фразеологическом образе и его типичности (как в приведенных выше примерах) или самобытности (например, компоненты, отражающие особенности этнического быта народа). Становится очевидной связь компонентного состава и семантики ФЕ и ее значение для сопоставительного анализа ФЕ.

Однако план выражения ФЕ в различных языках может не совпадать не из-за существенных различий лежащих за ними образов, а за счет различных средств выражения, предоставляемых в пользование говорящих языковыми системами. Во многих случаях наличие формальных отличий ФЕ обусловлено тенденциями, действующими внутри языковых систем.

Так, например, каждый русский человек почувствует легкую иронию в ФЕ *гладить по головке*. Употребление же единицы *to give smb. a pat on the back*, часто применяющейся в качестве ее аналога, не всегда предполагает ироничное отношение говорящего к ситуации. Поэтому в словаре БАРФС А. В. Кунина приводятся различные варианты ее перевода на русский язык:

1. For what Charlie had been up to all along was nothing more than a pat on the back. A special pat on the back, to be sure: a pat on the back from my dead father.

Чарли все искал дружеского расположения. Причем расположение это должен был проявить не кто иной, как мой дорогой отец, теперь уже покойный.

2. 'Ambush their own mother into the arms of the hangman,' added Archie, 'if it meant a pat on the back from a head constable.'

Полицейские родную мать под виселицу подведут, - добавил Арчи, - лишь бы начальство по головке погладило [5, 566].

Второй пример явно отличается сарказмом произносимых героем слов, поэтому в переводе использовано выражение *погладить по головке*. Элемент иронии или сарказма в ней создается, на наш взгляд, во многом за счет использования уменьшительно-ласкательной формы *головка*. В силу того, что аналитический английский язык не располагает такими средствами создания коннотации, ФЕ звучит более нейтрально, а активизация коннотативного компонента происходит за счет контекста.

Таким образом, как компонентный состав ФЕ, так и их структура зачастую определяются рамками языковой системы, в которой они созданы, а это в свою очередь может определять их значение или некоторые его аспекты. При переводе с русского на английский язык и обратно важно также учитывать, что “для отдаленно родственных языков непосредственное материальное тождество лексических компонентов и грамматических структур нетипично” [7, 24], поэтому вряд ли можно ожидать от английских и русских ФЕ высокой степени эквивалентности. И на самом деле, Н. Л. Шадрин указывает на то, что подсчеты, произведенные по БАРФС А. В. Кунина, показали, что доля английских ФЕ, имеющих эквиваленты в русском языке, составляют менее 4% [11].

В связи с тем, что наличие строгой структурной, а, следовательно, полной эквивалентности русских и английских ФЕ встречается редко, нам видится целесообразным во многих случаях заострить внимание скорее на специфических для рассматриваемых языков порождающих моделях и на поиске эквивалентов с тождественными семантическими характеристиками. Структурно-грамматический аспект ФЕ должен рассматриваться в комплексе с их значением, стилистическими характеристиками, происхождением и особенностями употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). / В.Г.Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 263с.

2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности “Иностр. яз.” / В.Г.Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288с.

3. Достоевский Ф.М. Идиот. /

Ф.М.Достоевский. – М.: LEXICA, 1994. – 617с.

4. Комиссаров В.Н. Теория перевода: (Лингв. аспекты): [На прим. англо-рус. переводов: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / В.Н.Комиссаров. – М.: Высш. школа, 1990. – 250с.

5. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц. / А.В.Кунин. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944с.

6. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю.Лермонтов. – М.: Издательство художественной литературы, 1963. – 176с.

7. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / для ин-тов и фак. иностр. яз. – Учеб. пособие. / А.Д.Райхштейн. – М.: Высш. школа, 1980. – 143с.

8. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: (На материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). Автореф. ... д.ф.н. / Ю.П.Солодуб. – М., 1985. – 31с.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н.Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284с.

10. Толстой Л.Н. Война и мир. / Л.Н.Толстой. – М.: Детская литература, 1964.

11. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. / Н.Л.Шадрин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. – 221с.

12. Dostoevsky F. The Idiot. / F.Dostoevsky. – New York: Oxford University Press Inc., 1998.

13. Lermontov M. A Hero of Our Time. / M.Lermontov. – USA: Modern Library, 2004.

14. Tolstoy L. War and Peace. / L.Tolstoy. – USA: Modern Library, 2002.